

Вероника Дашина

ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЬ

B. Souverain

Вероника Даша

ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЬ

Стихи

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «КНИЖНАЯ ПАЛАТА». 1989

ББК 84Р7

Д 64

Художник *В.Я.Черниевский*

Фото *А.И.Лапина*

Издательство «Книжная палата».
Издание осуществлено при участии редакционно-производственного кооператива „Копирайт“.

Д 4702010202 — 000 Без объявл.
(008) 01 — 89

ISBN 5-7000-0191-8

От автора

Довольно давно уже все это началось. Мне было лет около шестнадцати... Вот и первые стихи. Преобичное дело. Правда, оттенки были сразу — стихи явились крошечные размером и почему-то с мелодией. Я наигрывала себе на пианино, но голос звучал резко и неуверенно, был какой-то странно-низкий... В общем, не слишком обаятельно было это... Немного позже пришла гитара. Настоящий музыкант, известный гитарист Андрей Гарин пять раз пришел ко мне домой и дал мне пять уроков — первые аккорды. И я сыграла «Дома без крыш» Новеллы Матвеевой и «Пилигримы» Клячкина на стихи Бродского. Андрей поцеловал мне руку, жутко смутив меня, сказал: «Дальше — сама» и пропал. С тех пор я «сама».

Потом была «Девушка из харчевни», снова Новелла Николаевна. Боже мой, без этой песни я — никто. Потом из каких-то осколков, обрывков тетрадок выплыли «...она меня не щадит...», «...в трехкратном размере болтливость людская...», «...и, конечно, уже не вернется...» и еще, и еще, и еще...

К стихам появилась жадность, просто яростная жажда какая-то. Читать, конечно. Не писать, нет. Очень многое тогда было прочитано из хороших стихов и впиталось. Прививка пронзительной, поющей строкой была сделана — но я долго еще не знала всего могущества этой вакцины.

Прошло время. Встречались люди — поющие и слушающие, а сочиняющие — все еще очень редко. В основном, были это люди зрелые и пожилые, с ровесниками все обстояло значительно беднее. Я училась у всех, кто хотел со мной разговаривать.

Мне был 21 год, и мне благосклонно кивнул Б.Ш.Окуджава. А песни я тогда уже писала не шутя. За более чем десятилетнюю историю наших взаимоотношений — это краткие встречи, которые я могу сосчитать, его суховатые замечания и суровые призывы «не суетиться». Я не слишком соответствую его кодексу, но я любила, люблю и буду любить Булата Шалвовича независимо ни от чего.

Я много выступаю с песнями. Коротко, не без любопытства за все эти годы на меня взглядывали люди, мнение кото-

рых мне дорого. Есть некоторый соблазн назвать эти имена и пококетничать этим, да я все-таки обойдусь...

В моем поколении людей пишущих стихи и поющих почему-то оказалось очень мало. Это сделалось видно довольно скоро. Были, как будто. Но — странно — они быстро останавливались в чем-то главном, а надо-то было учиться работать, когда были молоды... Я по-своему очень переживала это, мне было одиноко. Моим эшелонам среди поющих стали люди старшего поколения — меня до сих пор смущает и трогает то, что многим из них я говорю «ты».

Есть у меня одно наблюдение. Может, наивное. Но кажется мне, что те, кто рожден в 56 — 57-м годах, — такие, что ли, последние шестидесятники, — хоть чуть-чуть да ухватили воздух и атмосферу тех живописных лет. Видимо, и рождены, и зачаты-то мы уже были в пору раскрепощения, ну а потом уже втянули детские наши ноздри нечто важное из того воздуха... И вот получилась тоненькая шеренга последних шестидесятников. И от этого тоже — такие ненатурные отношения со многими из тех, кто старше меня лет на двадцать...

Ну, ладно. Я так и не предпочла стих на бумаге стиху, который поется. Но я не делала ему скидок на «певучесть». Кое-какая выдумка, просто сюжетная, хотя бы приемы — часто сопровождают то, что называется песней. Но со временем я все больше и больше делаюсь служанкой «песни без прикрас». И повторы, и припевы — все эти чудесные вещи уходят от меня...

Я хотела бы сказать, что я пекусь о звуке и звукописи, но это была бы не вся правда. Скорее — они надзирают за мной. Звуки нанизываются чаще всего сами, а я снова и снова с удивлением обнаруживаю, что это единственно верный способ... Может быть, это песенная закваска дает о себе знать, но я не уверена все же... Я не слышу в эстрадной песне, даже и симпатичной, этих вот закономерностей, довольно волшебных. Так что, подозреваю, что эти мои построения из звуков — суть проявления все же стихотворные и не обязательно песенные. Хотя песня — ах, песня! — все же необыкновенная вещь. Глаз, глаз, глаза — и все к тебе, гос-

поди же! Полуулыбка, полувздок — и они тебе отвечают...

И с музыкой все не так-то просто, хотя об этом я совсем не умею рассуждать. Но зато я знаю, как отыскивается та нужная музыка — она просто вытягивается из стиха. Может быть, вы заметите, как нечасто я повторяю размеры и ритм в стихах. Объясняется это просто и рационально — музыка же не должна быть однообразной. Ну, может, есть и иррациональные причины тоже...

Книжку эту я назвала «Воздухоплаватель». Лет пять назад Е.Евтушенко привез мне из США письмо от Н.Коржавина. Тот одобрял меня из своего «далекого далека». Одну вещь из этого письма я очень помню: с темой «воздухоплавания» мне пора расставаться. Я и сама так думаю, во всяком случае, так не настаиваю на этом способе быть и писать, как несколько лет назад.

В книжке три раздела. Первый — это стихи, каждый из которых был мне важен в разные мои времена. Это мой фундамент, меня теперешней. Одновременно — это и выжимка из моей первой нетолстой книжки «Моя радость».

Второй раздел — это просто романтические знамена юности. Там много очень старых стихов, а все же есть и другие, те, что я писала для театра и кино, но всем сердцем вспоминая полудетские каноны рыцарства и куртуазной любви и прочие красивые вещи, которые трудно бывает потом чем-нибудь заменить...

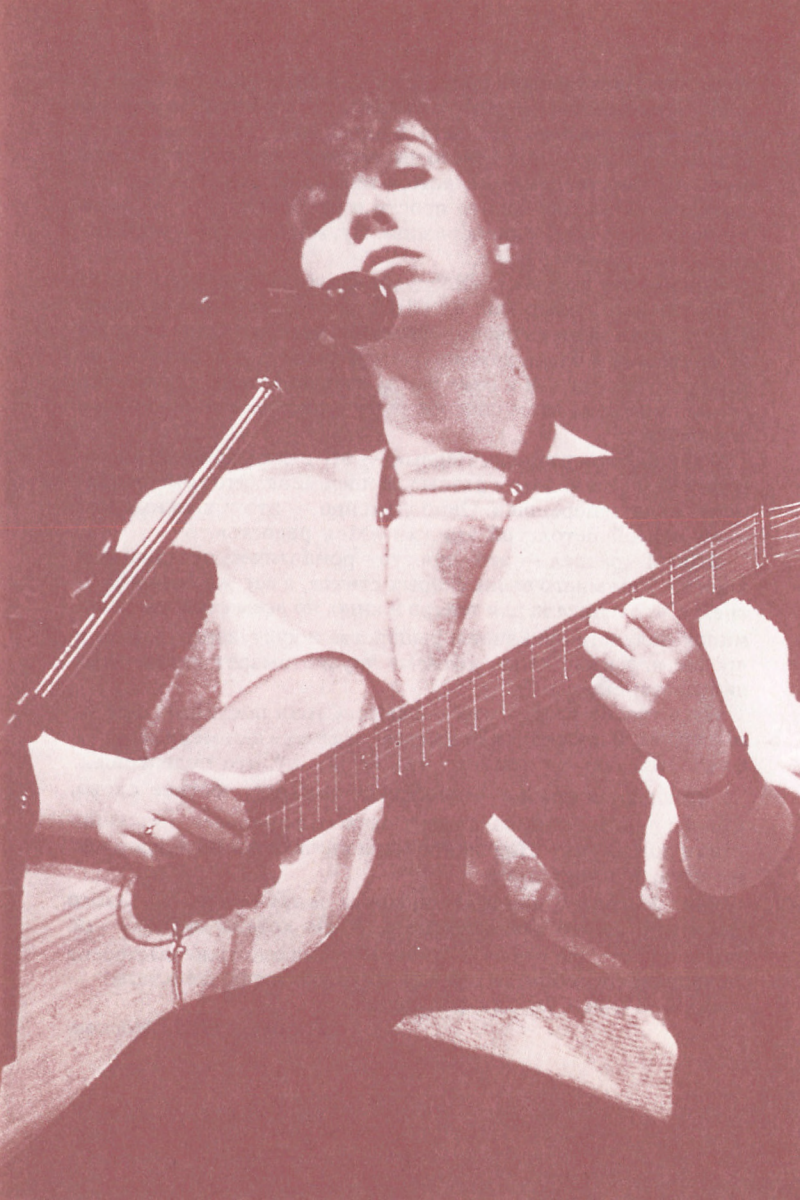
Ну, и третий раздел, это — самое. Стихи последних лет — во-первых, и просто стихи на самые важные для меня темы — во-вторых. Как-то дежурно это звучит, ну, что поделаешь...

Поющая поэзия — особенное ремесло, честное слово. Сейчас рядом со мною встанут несколько человек, пишущие стихи под музыку. Появление моей книжки очень поддержит их всех, я точно знаю.

Мне 33 года. У меня нет крупных задач — чего-то такого добиться, где-то там преуспеть. Я бы хотела писать — по возможности все лучше и лучше (эта книжка тоже выстроена нехитрым способом, от старых стихов ко все более новым) — и петь. Ну, это уж как получится.

Декабрь. 1988. Москва.

Пусть буду птицей

---

* * *

Я всегда подгоняю поезд,
Даже если он самый скорый,
Потому что ничто не мчится
Так же быстро, как жизнь сама.
Я всегда подгоняю повесть,
Даже если писатель хороший,
Потому что ничто не мчится
Так же быстро, как жизнь сама.
А жизнь нельзя подгонять нисколько.
Ее одну подгонять не надо.
Потому что ничто не мчится
Так же быстро, как жизнь сама.
Жизнь — сама тебе скорый поезд.
Жизнь сама — недлинная повесть.
И ее подгонять не надо.
А себя подогнать — не грех.

* * *

Что ты хочешь, любовь, от меня?
Я тебе не подопытный кролик,
Чтобы мучиться день ото дня
До икоты, до рвоты, до колик.

И зачем ты меня стерегла
У чужого порога?
Лучше ты бы меня берегла,
Берегла от себя хоть немного.

Почему ты глаза отвела
И кольцо потускневшее крутишь?
То ли ты мне со зла солгала,
То ли ты не по-доброму шутишь.

Были б губы твои не горьки —
Ты б меня обошла стороною.
Ты одна мне диктуешь стихи,
Ворожишь надо мною.

То воды принесешь, то огня.
То лепечешь, то в уши грохочешь.
Что ты хочешь, любовь, от меня?
Говори наконец — что ты хочешь!

Сретенка

Картинка иль, может, отметинка?
Отметинка на судьбе...
Крестинка, да это же Сретенка
Висит у тебя на губе!

Дело не в водоворотах...

Я не то чтобы с нею выросла,
Но она меня родила.
Это палочка детского вируса
Оболочку мою взяла.

Дело не в водоворотах,
А опять во мне одной...

Уж не знаю я, что есть родина,
Но никто меня не украдет,
Ибо Сретенка — это родинка.
Это до смерти не пройдет.

Дело не в водоворотах,
А опять во мне одной.
Дело в Сретенских воротах,
Что захлопнулись за мной.

Автопортрет

Прошу себе не красоты.
Причины вески.
Смягчи, господь, мои черты!
Они так резки.
Когда я в зеркало гляжусь —
Себе я, господи, кажусь
Пугливой белкой.

Ну, если уж на то пошло —
Пусть буду птицей.
Тогда мне ниже крон крыло
Не даст спуститься.

Хотя я верую в любовь,
И это греет —
Но тут ведь выследит любой,
Любой подстрелит...

И снова зеркала стыжусь,
А голос тонок.
На что я, господи, гожусь?
Где мой бельчонок?
Но не кричу, молчу, держусь
На этой боли,
Хотя божусь, что не гожусь
Для этой роли.

* * *

От пепла до меда, от меда до пепла.
Любовь происходит из этого спектра.

Кружится над миром янтарной пчелой.
Кружится пчелой, да ложится золой.

Скажи, мой любимый, ты мед или пепел?
Чтоб я не вязала немислимых петель,

Чтоб я не писала таких вензелей,
А ты бы глядел на меня веселей!

От меда до пепла, от пепла до меда!
Себя превозмочь не умеет природа.

И жар не остудит, и дрожь не уймет.
Лишь пепел пригубит — и чудится мед.

Откуда бы взяться подобной напасти?
Люблю от медовой до пепельной масти.

Не благодаянье, не явное зло.
От меда — сиянье, от пепла — тепло.

Сестре

Боль сердца моего — сестра.
Мы с нею видимся нечасто.
И вот от этого несчастья
Моя любовь к ней так остра.
Когда мы с ней увидимся опять —
Предвижу, как я снова онемею,
Предчувствую, что снова не сумею
Ее нежнее прежнего обнять...

Кого в наш век бетона и стекла
Такая боль не гложет и не точит?
И мучаются все, и каждый хочет,
Чтоб эта боль неясная прошла.
А наша власть над жизнью чужой
Такие странные имеет формы!
Все — сами по себе, но до сих пор мы
К родной душе все тянемся душой!

Боль сердца моего — сестра.
А может, надо, чтоб болело?
И в очаге потухшем тлела
Зола ребячьего костра?

Когда потом привязанностей рой
Вкруг каждого заплещет и закружит —
Вдруг человек заплачет, обнаружив,
Как крепко связан с собственной сестрой...

* * *

В нашей жизни стало пусто,
Не вернешь себя назад.
Где вы, пирожки с капустой?
Где ты, райский аромат?

Продавали по соседству
Там, у Сретенских ворот.
Меня баловало детство —
Все теперь наоборот.

Мне уже все двадцать с гаком,
Как летят мои года!
Не забуду сушки с маком,
Не забуду никогда.

О, мороженщик-шарманщик!
О, любви запретной бес!
Мне фруктового стаканчик
Нынче нужен позарез...

Где вы, уличные сласти?
Где бушующие страсти?
Где ты, святочный уют?
Ничего не продают...

Я свое заброшу дело,
Я пойду, куда давно
Я уже пойти хотела —
В престарелое кино.

И откроются киоски,
Только выйду из кино.
Тетка с видом эскимоски
Мне протянет эскимо.

Я пойму: в Москву большую
Опустилось божество.
Пирожки с капустой чую,
Ощущаю волшебство...

* * *

Помилуй, боже, стариков.
Их головы и руки.
Мне слышен стук их башмаков
На мостовых разлуки.

Помилуй, боже, стариков.
Их шапок, васек, мосек.
Пучок петрушки и морковь,
И дырочки авосек.

Прости им злые языки
И слабые сосуды.
И звук разбитой на куски
Фарфоровой посуды.

И пожелтевшие листки
Забытого романа,
И золотые корешки
Мюссе и Мопассана.

Ветхи как сами старики,
Немодны их одежды.
Их каблуки, их парики —
Как признаки надежды,

На них не ляжет пыль веков —
Они не из таковских.
Помилуй, боже, стариков.
Особенно — московских.

Няня

— Ничего не помню больше!
Нет и не было покоя.
Детство билось о края.
Няня, что это такое?
— Детка, что ж это такое?
Это — Сретенка твоя.

— Ничего не помню дальше.
Нет и не было покоя!
Стыла птица у воды.
Няня, что это такое?
— Детка, что ж это такое?
Это — Чистые пруды.

— Ничего не помню кроме:
Нет и не было покоя.
Звезды падали со лба.
Няня, что это такое?
— Детка, что ж это такое?
Это все — твоя судьба.

— Ничего не помню больше!
Голос делается глуше.
Я отстала, я пропала,
Я осталась позади.
Няня, няня, баба Груша!
Няня, няня, баба Груша!
Няня, няня, баба Груша,
Подожди, не уходи!..

Канарейка

Много знаем птиц, но редко
Кто вопросы задает...
Кто такая канарейка,
Для чего она живет?

Не чернеет, как ворона,
Не белеет, как голубка,
Не синее, как синица,
И, как утка, не плышет.
Не стрекочет, как сорока,
Не несется, как наседка,
Не кукует, как кукушка.
Для чего она живет?

В тесной пыльной комнатке —
Занавешенная клетка.
Кто пока не понимает —
Обязательно поймет.
Будто кактусы в горшочке,
Будто фикусы в кадучке,
Будто коврик с лебедями,
Будто старенький комод...

Тяжкий поиск каждой крошки
Воробей ведет на ветке.
По двору гуляют кошки
И глядят на голубей.
Ничего, что на окошке.
Ничего, что занавески.
Ничего, что не навеки!
А зато — среди людей.

Дом в Клину

Дом Чайковского в Клину —
Старая открытка.
Подержи меня в плену,
Старая калитка!
Помнишь, помнишь, как с утра
Пробегала брличка?
И по имени Сестра
Протекала речка?..

Дух кувшинки от болот,
Дух пчелы от меда.
Кто потом тебя поймет,
Русская природа?
Кто еще, спустившись в сад
На заре дремотной,
Повернет скорей назад,
К рукописи нотной?

Кто споткнется без причин,
Но найдет причину,
Увидав, как птичий клин
Сверху машет Клину?
Где подсвечник отразит
Лаковая крышка —
Там усталость погрозит,
Пальцам передышка.

Кто потом заплачет всласть
Над листом бумаги,
Где еще имеют власть
Точки и зигзаги?
Это птичье колдовство —
Вскрикнет и сорвется.
Эта клинопись его —
Музыкой зовется.

Барышня Наташа

Если барышня читает
Увлекательный роман,
Если барышня считает,
Что в романе все — обман,
А в делах ее, признаться,
Все отлично-хорошо —
Значит, барышне шестнадцать,
Ей семнадцатый пошел!

Если барышня гадает
По руке и по кольцу,
Если барышня страдает —
Это видно по лицу.
Или в сад стрелой помчится,
Будто кто ее позвал —
Скоро, видимо, случится
Первый выход, первый бал!

Все-то барышню пугает,
Все-то барышню манит.
Дома маменька ругает,
Дома маменька бранит.
Ей в пример подруг приводят,
Образец иных манер —
Что же глаз с нее не сводит
Этот стройный кавалер?..

Если барышня на даче
Ночью выглянет в окно,
Если барышне Наташе
Все покажется чудно...
Не чудно тебе, а чудно!
В доме оставаться трудно.
Выйди из дому, Наташа!
Нынче все разрешено...

Пастораль

Я развлечь вас постараюсь
Старомодной пасторалью.
От немецкой сказки детской
Веет пылью и теплом.
Кто-то их опять читает
И страницы не считает,
И, незримо, Братья Гриммы
Проплывают за стеклом.

Если ты меня не покинешь —
То и я тебя не оставлю.
К этой песенке старинной
Я ни слова не прибавлю.

Там, на ласковой картинке,
Ганс и Гретель посрединке
Умоляют: под сурдинку
Спой, хороший человек!
Этот облик их пасхальный,
Их уклад патриархальный,
Позолоченный, сусальный,
Незамысловатый век!..

Если ты меня не покинешь —
То и я тебя не оставлю!
К этой песенке старинной
Я ни слова не прибавлю.

Но от этой сказки мудрой
Тонко пахнет старой пудрой.

Ветер треплет Гретель кудри,
Носит новые слова:
Я сниму остатки грима!
Что вы натворили, Гриммы?
Вы-то там неуязвимы,
Я-то тут едва жива!

К этой песенке старинной
Я свои слова прибавлю:
Если ты меня вдруг покинешь —
То я это так не оставлю!

Я развлечь вас постаралась
Старомодной пасторалью.
От немецкой сказки в детской
Веет пылью и теплом.
Это я опять читаю!
Я их очень почитаю!
И, незримы, Братья Гриммы
Проплывают за стеклом.

Игры в солдатики

Синие солдатики, красная картечь!
Идет война двенадцатого года.
Нам наши силы надобно беречь,
Раз на дворе такая непогода.

Мы не гуляем — дождик за окном.
Все ждем, что переменится погода.
У нас полки и роты под огнем,
У нас война двенадцатого года.

Фельдмаршалу представили самому,
Мой ротозей — отныне новобранец.
Солдатский кивер и солдатский ранец —
Иных игрушек не дари ему.

А горбунок несется все быстреей.
А где-то зайцы скачут на опушке.
Дитя забыло кукол и зверей —
По целым дням у нас грохочут пушки.

Еще нескоро в школу он пойдет
И поведет сражения на парте.
Ему — четвертый год, и он ведет
Свои полки против Буонапарте.

Войне конец, хотя француз не трус.
Мы победили в той неравной схватке.
Мой храбрый сын подкручивает ус.
Какое счастье, все у нас в порядке!

Читая Цветаеву

1

Как магический кристалл
Та цветаевская проза...
И молитва, и угроза,
И могила без креста.

По пруду идут круги.
Шелестит листвою орешник.
Чьи-то тихие шаги
Проникают в мой скворечник.

Я читала на крыльце
Без конца и без начала.
И дитя свое качала
Без печали на лице.

А еще один птенец
В тишине листает книги.
И когда-то наконец
Я припомню эти миги.

Ни разрухи, ни беды!
От крыльца ведет дорога.
И видны еще немного
Чьи-то давние следы.

И — сияние в ночи.
Озарение в ознобе.
И сидим, обнявшись, обе
У мерцающей свечи.

От твоего дома — до моего сада.
От твоего тома — до моего взгляда.
От моего чуда — до твоего чада.
От моего худа — до твоего ада.

От моего Клина — до твоего Крыма.
От моего сына — до твоего сына.
От твоего гроба — до моего хлеба.
От моего нѣба — до твоего неба.

От твоей соли — до моей силы.
От твоей боли — до моей были.
От твоей Камы — до моей Истры.
Твоего пламени — все мои искры.

На даче

Никуда отсюда не деться!
Время мчится, как лихой всадник.
Я тоскую о тебе, детство,
Как тоскует о тебе всякий.

Вот иду той же аллеей
И сама с собой толкую...
Ни о чем я не сожалею,
Но — тоскую, тоскую.

А на даче спят два сына.
Я читала о таком, помню.
Но не думала, что так сильно,
И не думала, что так полно...

Помнишь белку в колесе? Белке
В клетку кинули орех грецкий.
Не прощу себе свой грех мелкий,
Но — прощу себе свой страх детский.

Вот заветное скоро место,
Я тропинок не забывала.
Здесь лежит мое королевство —
Я сама его зарывала.

Не глядеть назад — лучший принцип,
И от муки верное средство.
Но, наследные мои принцы!
Что получите вы в наследство?

И подумалось без кокетства —
Все что ни было со мной — важно.
Я тоскую о тебе, детство,
Как тоскует о тебе каждый.

Неразрывные твои сети.
Невозможное мое бегство.
Там, на даче спят мои дети.
Там, на даче спит мое детство.

* * *

Я сама себе открыла,
Я сама себе шепчу:
Я вчера была бескрыла,
А сегодня полечу!
И над улицей знакомой,
И над медленной рекой,
И над старенькою школой,
И над маминой щекой...

Как ни грело все, что мило,
Как ни ластилось к плечу,
Я вчера была бескрыла,
А сегодня — полечу!
Над словцом неосторожным,
Над кружащим над листом,
И над железнодорожным
Над дрожащим над мостом.

То ли дело эта сила,
То ли дело высота!
Я вчера была бескрыла,
А сегодня я не та.
Кто-то Землю мне покажет
Сверху маленьким лужком.
На Земле стоит и машет
Мама аленьким флажком.

Было время — смех и слезы,
Не бывало пустяков.
Слева грозы, справа грозы,
Рядом — стаи облаков.
Как ни мучились, ни звали
Кто остался на лугу —
Я вчера была бы с вами —
А сегодня не могу.

Беглец

Люблю Флобера и Рабле,
Рембо, угасшего до срока.
Но почему ж так одиноко
Мне плыть на этом корабле?

Со мною весь мой капитал
В отсеке трюма.
Но что ж так старый капитан
Глядит угрюмо?

Зачем чужак, зачем беглец
Молчит, молодчик?
Зачем наглец, но не подлец
И не доносчик?

Зачем он счет ведет свечам,
Когда все спят по гамакам?
Зачем он пишет по ночам,
А не с братвой — по кабакам?

Какие он везет листки
В том чемодане?
А в чемодане том — стихи
Прекрасной Даме.

Должно быть, скоро нам уже
Причалить к Гавру.
Без сожаления в душе
Я их оставлю.

Корабль, вошедший в тихий шлюз,
И ту команду,
Что было приняла мой груз —
За контрабанду.

Им — из-за фруктов и мехов
Вести торговлю.
А я — издание стихов
Своих готовлю.

Цыганочка Аза

Цыганка, цыганочка Аза
Жила тут и зиму и лето.
Теперь тут спортивная база,
Тяжело- и легкоатлеты.
Вон там пробежала в беседку,
Вот тут примеряла наряды.
Теперь тут площадка и сетка,
А также другие снаряды.

Шумели, шумели аллеи,
Отрада хозяйского глаза.
Шалели мужчины, шалели —
Плясала цыганочка Аза.
«Москву позабудешь и Питер!
Ты все у меня позабудешь,
Я первый российский кондитер,
Ты первой цыганкою будешь!»

Да что это, что это значит?
Шампанское льется и льется.
Цыганка смеется, как плачет,
И плачет, как будто смеется.
В деревне у нас — перемены.
Где старой часовенки конус —
Теперь молодые спортсмены
С утра повышают свой тонус.

Цыганка, цыганочка Аза!
Влюбленный, взбешенный кондитер.
Та самая, самая фраза:

«Поедем-ка, милая, в Питер!..»
Теперь — беговые дорожки.
Теперь — молодые аллеи.
А раньше-то, господи, дрожки!..
А раньше — коней не жалели...

Размышления по поводу отпуска на юге

Я сижу и мучу строчку.
Не выходит, к сожаленью,
А хозяйка мочит бочку.
Вероятно, для соленья.

Столько фруктов — неприлично.
Неприлично, не шучу.
Непривычно, непривычно.
С непривычки — не хочу.

Продается виноград —
Винограду всякий рад.
Я не рада винограду,
Там же косточки подряд.

Продается помидор —
Помидор — чистейший вздор.
Не люблю я помидоры
С малолетства до сих пор!

Продают еще арбуз —
Он один на весь Союз!
Мы с тобою — не верблюды,
Чтоб носить подобный груз.

...Я желаю быть в Москве!
Выхожу себе на дождик.
Сумка в левой, в правой — две.
Это, право же, надежней.

Постою себе часок
За хвостом неторопливым,
И любой тогда кусок
Мне покажется счастливым!

А кавказский рай фруктовый
Доведет нас до сумы!
Мы с тобою — не готовы,
Ни желудки, ни умы.

Ах, зачем, мой милый друг,
Мы поехали на юг?

Слово об опятах

Повторяю опять и опять.
Говорю, не боясь повториться:
Здравствуй, доброе племя опят,
Что на время в лесу воцарится!

Желтый гвоздик, мой бедный дружок,
Пограничник ушедшего лета...
Твой отчаянный в осень прыжок —
Как нечаянный возглас поэта.

Всякий гриб среди белого дня
Хочет облик принять неприметный.
Ты стоишь среди целого пня —
Простодушный такой, многодетный!

На грибном на коротком веку
Нужно мужества тяжкое бремя,
Чтобы бросить под нож грибнику
Все свое малолетнее племя.

В разговоре об этом грибе
Я еще не поставила точку...
Можно кучей погибнуть в борьбе.
Только чтобы не жить в одиночку!

* * *

В стиле ретро, в стиле диско —
Я любой к тебе примерю...
Сядь со мною близко-близко.
Я совсем тебе не верю!

Вот косынка кружевная
С золотистой каймою...
Сядь, поговори со мною.
Сядь, поговори со мною.

В ритме вальса, в ритме танго...
В мой удел не проникая!
У тебя, мой милый, тайна —
Ты не говоришь — какая...

Видишь зеркальце резное
С тонкой ручкой костяною —
Сядь, поговори со мною!
Сядь, поговори со мною...

Будто стороны родные
Для тебя открыты дали.
Знаю, вороны ночные
Над тобой не пролетали...

И, покуда не коснулось
Нас дыханье ледяное, —
Сядь, поговори со мною.
Сядь, поговори со мною!

Ставни бьет порывом ветра.
Не могу, мой друг, сердиться.
Пусть уж лучше в стиле ретро —
Но не надо в стиле диско!

Не случайно мир я мерю
Грустной мерою земною.
Сядь, поговори со мною —
Может, я тебе поверю!

* * *

О женщина, летающая трудно!
Лицо твое светло, жилище скудно.
На улице темно, но многолюдно —
Ты смотришься в оконное стекло.

О женщина, глядящая тоскливо!
Мужчина нехорош, дитя сопливо...
Часы на кухне тикают сонливо —
Неужто твое время истекло?

О женщина, чьи крылья не жалели!
Они намокли и отяжелели...
Ты тащишь их с натугой еле-еле,
Ты сбросить хочешь их к его ногам...

Но погоди бросать еще, чудачка.
Окончится твоя земная спячка —
О, погоди, кухарка, нянька, прачка,—
Ты полетишь к сладчайшим берегам!

Ты полетишь над домом и над дымом.
Ты полетишь над Прагой и над Римом.
И тот еще окажется счастливым,
Кто издали приметит твой полет...

Пусть в комнатке твоей сегодня душно —
Запомни — ты прекрасна, ты воздушна.
Ты только струям воздуха послушна —
Не бойся, все с тобой произойдет!

Легенда о сфинксе

Мне другую ночь не спится — невеселые дела.
То ли кошка, то ли птица, то ли женщина была?
То она в огонь глядела, то, забившись в уголок,
После плакала и пела или билась в потолок...

Я подумал: если баба, для чего ей два крыла?
А если птица, то она бы улететь вполне могла.
Но ходила у окошка и лежала у огня —
То ли птица, то ли кошка, то ли баба у меня?

Если птица — не годится ей стирать и убирать.
Надо же собой гордиться, птичью гордость не терять.
А если вовсе ты не птица и живешь в моем дому,
То зачем в окошко биться и кричать, и петь к чему?

Но она не только пела. Ясно помню: по ночам
Все она в огонь глядела, жарко делалось очам.
Но если ты породы дикой, для чего тебе крыла?
Ты царапай. Ты мурлыкай. А она вот не могла.

И однажды, поздно ночью, растворил я ей окно.
Ну, раз она свободы хочет, то добьется: все одно.
И — шагнула на окошко. И — махнули два крыла.
То ли птица, то ли кошка, то ли женщина была...

Летняя колыбельная

Я пустышечку несу. Я колясочку трясу.
Баю-баю, моя крошка! Мы живем с тобой в лесу.

Дружка к дружке все рядком. Держим кружки с молоком.
А у дома на опушке ходит дядька с узелком.

Может, вышла бы в лесок, за калитку — хоть разок.
Я нашла бы того дядьку — поболтала б с ним чуток...

Он пастух или кузнец — этот самый молодец?
Может, он киномеханик, зоотехник, наконец?

Он прохожая душа и похож на алкаша.
И бредет себе по лесу — жизнь трудна, но хороша.

Ночь чернее, чем зрачок. Повернемся на бочок.
Маме к песенке придумать остается — пустячок.

* * *

А тонкая материя — твоя-моя душа?
Как будто бы мистерия, но очень хороша.
То нитку драгоценную меняю на брехню,
А то — неполноценною сама себя дразню...

А длинная история — твоя-моя любовь?
Как будто бы теория, но будоражит кровь.
Рыдания, страдания и прочий старый хлам —
Семейное предание расставит по углам.

На грани закипания наш чайник дорогой.
Распалася компания — не надобно другой.
В конце знакомой улочки — калитка да крючок.
И лишь на дне шкатулочки — шагреновый клочок.

* * *

То призрачное, то прозрачное —
Катило отрочество дачное.
Но где летали сны зеленые —
Торчат уголья раскаленные.

Давай делить мое землячество
На шутовство и на ребячество.
Бубенчик или колпачок?
Младенчик или дурачок?

Вот я — сутулая, чумазая,
За сверстницами не попевшая.
Как юный суслик черноглазая,
Как старый ослик поседевшая.

Давай считать мое батрачество
За озорство и за лихачество.
Лохань стихов — лохань белья,
Лихая линия моя.

А жизнь идет грибная, дачная.
То погребная, то чердачная.
Течет — молочная, кисельная,
Как старенькая колыбельная.

Давай считать мое бодрячество
За баловство и за чудачество.
Горит в огне вязанка дров.
Горит во мне вязанка слов...

Август

Нас согревает радиатор.
Его мы любим, но тираним.
Ребенок наш, как гладиатор,—
Отважен, грязен и изранен.

Прощай, грибы, прощай, крыжовник.
Летящая по небу белка...
Прощай, колодец и коровник,
И перепелок перестрелка!

Нас согревает радиатор...
Но скоро заморозки, милый!
Зайндевел иллюминатор
У нашей шхуны небескрылой.

И поплывет наш дом по небу.
И поплывет наш дом по снегу.
Сперва по снегу кучевому...
Потом по снегу перьевому...
По первому густому снегу.
К тому, неведомому берегу.

Автограф

Когда еще хоть строчка сочинится,
От Вас не скроет Ваша ученица...
А чтоб от чтенья был хоть малый прок —
Любовь мою читайте между строк.

Когда же Вам наскучит это чтенье,
Мое включите жалобное пенье.
Остановитесь, отложив блокнот,—
Любовь мою услышьте между нот.

Но Вас гнетет и призывает проза.
И вот цветет и оживает роза —
Та, что увяла в прошлые века,
Но на столе у Вас стоит пока.

Когда усталость мне глаза натрудит,
А может, старость мне уста остудит,
И побелеет черный завиток,
И из зерна проклюнется росток —

Пускай судьба, таинственный биограф,
Оставит мне единственный автограф.
Пускай блуждает в предрассветной мгле
Любовь моя — тень Ваща на земле.

* * *

Мне сын рассказывает сон.
Там серый ослик, старый слон,
И мотылек — цветной флажок,
Который крылышки обжег.

Мне сын рассказывает сон.
Он — всем опора и заслон.
Тому подмога мой сынок,
Кто робок или одинок.

Мне сын рассказывает сон.
Он ясно помнит тихий звон.
Он ясно видел слабый свет —
Такие снятся сны в пять лет.

Мне сын рассказывает сон!
Мне, слава богу, верит он.
Я растолкую и пойму,
Зачем приснился сон ему.

Мне сын рассказывает сон...
Не по земле шагает он.
А по пустыням и по льдам —
Как будто по моим следам.

Стихи о маленькой любви

У маленькой любви — коротенькие руки.
Коротенькие руки, огромные глаза.
В душе ее поют неведомые звуки,
Ей вовсе не нужны земные голоса.

Бесценных сил твоих живет, не отнимая.
Не открывая глаз, не открывая рта.
Живет себе, живет твоя глухонемая.
Святая глухота, святая немота.

У маленькой любви — ни зависти, ни лести.
Да и зачем, скажи, ей зависть или лесть?
У маленькой любви — ни совести, ни чести.
Да и почему ей знать, что это где-то есть?

У ней — короткий век. Не плюй в ее колодец,
А посмотри смелей самой судьбе в глаза!
Пускай себе живет на свете твой уродец.
Пускай себе, хоть час. Пускай хоть полчаса!

У маленькой любви — ни ярости, ни муки.
Звездой взошла на миг, водой ушла в песок.
У маленькой любви — коротенькие руки,
Огромные глаза да грустный голосок.

* * *

На мосту, где мы встречались,
Фонари едва качались.
Мы ходили по мосту,
Мы любили высоту.

Под мостом, где мы встречались,
Воды быстрые не мчались.
Не гудели корабли!
Поезда спокойно шли.

На мосту, где мы встречались,
Наши муки не кончались.
Поглазев на поезда,
Расходились кто куда.

Ибо мы бездомны были!
Высоту мы не любили.
Но ходили мы туда —
Больше было некуда.

Над мостом, где мы прощались,
С той поры года промчались...
...Вот я встану на мосту —
И достану — пустоту.

* * *

Пропади ты пропадом —
Говорю я шепотом
В трубку телефонную,
Дочерна сожженную
Силой того выдоха,
Где искало выхода
Сердце мое бывшее,
Без меня остывшее.

Пропади ты начисто.
Пропади ты намертво.
Все, что было начерно,—
Напишу я набело.
Провались же с грохотом
Здания стоящего.
Пропади из прошлого
И из настоящего.

Средневековая юность моя

Баллада о Дадале и Дудоле

Жила-была злая Дадала.
Бросалась на всех и съедала.
Бросалась, хватала, жевала живьем
И только потом уж съедала.

И всякая кроха рыдала,
Когда выходила Дадала,
Которая ела одну мелюзгу,
И, в общем, уже доедала.

И мелочь сказала: «Доколе
Мы не обратимся к Дудоле?
Дадала нас всех понемногу сожрет
И даже, возможно, без соли».

К Дудоле, чью знали отвагу,
Сейчас же послали бумагу,
Где слезно просили их всех защитить,
Не то — от Дадалы ни шагу!

Дудоля, сверкая отвагой,
Примчалась с кинжалом и шпагой.
И скоро покончено было навек
Со всей этой страшной бодягой.

Давно позабыта Дадала,
Как будто ее не бывало.
Дудоля жива и здорова — ура! —
Она потрудилась немало.

И каждый, кто ростом обижен,
Отныне не будет унижен.
И слава Дудоле, чей подвиг в веках —
Прекрасен и чист, и возвышен!

Свидание с Таллинном

Сквозь туман, как сон старинный,
Проступают далеко —
Этот Герман, вечно длинный,
Вечно толстая Марго...

Если ратуш касалась бы ретушь —
Как фотографии глянца лица...
Мы с тобою увиделись — нет уж!
Не забудем теперь до конца.
Помнишь челку мою смоляную?
Помнишь жилку на сгибе руки?
Ты меня вспоминаешь иную,
И без проседи, и без тоски.

Все что дорого — длится недолго.
Все не вспомнится, да и зачем?
Посреди твоего Кадриорга
Я стою, растерявшись совсем.
Вот какая была я смешная!
Все смешным мне казалось вокруг.
Вот какая была я ручная!
Даже белок кормила из рук.

Долго помнили мы друг о друге.
И опять повстречались, как встарь.
Снова здравствуй, заржавленный флюгер!
Снова здравствуй, чугунный фонарь!
Разговор поведем понемногу.
Не отыщем местечка нигде.
Не живу на широкую ногу.
Но с тобой — на короткой ноге!

Сквозь туман, как сон старинный,
Проступают далеко —
Этот Герман, вечно длинный,
Вечно толстая Марго...

* * *

Не помню, в каком году,
Не помню, в каком чаду,
Не помню, в каком дыму
Я с вами была в Крыму.

Привет тебе, виноград,—
Вокруг терраски лоза.
Прощай, Москва — Ленинград,
Неласковые глаза.

Там вечная мерзлота,
Пустынная всюду сушь.
Тут вечная простота,
Соцветие наших душ.

Прости-прощай, самолет,
Растаявший вдалеке.
Тут планер, как мотылек,
Лежит на божьей руке.

Сидим в тени шелковиц,
В плечо упершись плечом,
А после падаем ниц
Под золотистым лучом.

И жгучий сок алычи,
И нежный сок помидор,
И дорогие ключи
От наших тесных камор...

Не помню, в каком году
Я с вами была в Крыму,
Друзья мои по письму,
По сердцу и по уму...

Тиль

Друг мой, душевнобольной,
Говорил мне о чаще лесной.
Говорил мне о выси небесной.
Говорил мне о мысли чудесной,
И о радости неземной.
Друг говорил мне: — Тиль!
Мне не нравится весь ваш стиль.
На каком огне вы сгорите?
То ли вы со мной говорите,
То ли вы за тысячу миль.

Друг мой, душевнобольной,
Говорил мне о славе иной.
Говорил мне о ясной дали,
Говорил о светлой печали.
Обо мне говорил со мной.
Он говорил со мной:
— Вы не венчаны, Тиль, с женой.
Мы один раз живем на свете.
Вслед за вами и ваши дети
Побредут дорожкой дурной.

Друг мой, душевнобольной,
Обо мне говорил со мной.
Говорил об отце и сыне.
Говорил о судьбе и силе,

О моем родстве с сатаной!
Говорил за моей спиной, —
Но слова его — тишиной
Для моих ушей раздавались,
Ибо два крыла раздувались
Белым парусом надо мной...

Воздухоплаватель

— Ну что ты все сидишь?
Ну что ты все молчишь?
Где ты витаешь?
Сидишь уже века,
Уставясь в облака,
И их считаешь.

Но ты же не бумажный змей,
И даже не воздушный шар,
Да и не птица!
А все — лететь, летать,
А нет, чтобы узнать,
Как возвратиться...

Ты знаешь, на Земле,
В огне или в золе, —
Но всяк на месте.
Да ты взлетишь, взлетишь
Туда, куда глядишь, —
Лет через двести!

Ведь ты же не бумажный змей,
И даже не воздушный шар,
Да и не птица.
И все лететь, летать,
А нет, чтобы узнать,
Как возвратиться.

Ты стал похож на тень.
Уже который день —
Все без улыбки.

И для тебя цветы
Растут из черноты
Твоей ошибки.
Ведь ты же не бумажный змей,
И даже не воздушный шар,
Да и не птица!
А все лететь, летать,
А нет, чтобы узнать,
Как возвратиться...

Ты не отводишь взгляд,
А я не в лад, не в склад
Твержу серьезно:
— Чем тут сидеть в клети,
Снимайся и лети,
Пока не поздно!
Пока тебя не обошли
Шары и змеи всей Земли,
Смеясь недобро...
Пока лицо не обожгли
Ветра и бури всей Земли,
И целы ребра...

Хотя ты не бумажный змей,
Хотя ты не воздушный шар,
Да и не птица.
Но — не молчи и не сиди,
А собирайся и лети,
Чтоб возвратиться.

* * *

Пустеет дом, пустеет сад.
И флигель спит, и флюгер.
Как будто много лет назад
Здесь кто-то жил да умер...

А здесь любовь моя жила —
Жила, не выбирала.
Она горела, но дотла
Зола не выгорала.

Костер из листьев — погляди,
В нем ни тепла, ни жара.
Но он дымится посреди
Всего земного шара.

* * *

Подыми забрало
И шагай за гробом.
Чтоб тебя пробрало
Мертвенным ознобом.

Это уж не шутки.
Не игра в герои.
Опустили дудки,
Не трубят герольды.

Что теперь настои,
Зелья травяные?
Завтра дождик смоем
Пятна кровавые.

Через год, не позже,
Проржавеют латы...
Менестрели сложат
Длинные баллады...

Да и ты поляжешь —
Как герой вчерашний.
Если день настанет
И хмельной, и страшный.

Не успеешь охнуть,
Не сумеешь крикнуть.
Будет роза сохнуть.
А хотела — вспыхнуть!

Ирландская песня

Рыжий, рыжий дружище Джекки.
Рыжий, рыжий Джекки О'Нил!
Лучше б ты не родился вовеки,
Только б ты в палачи не ходил.

Будь ты шорник, кузнец и плотник.
Будь разбойник — ищи-свищи...
Будь лесничий или охотник —
Только, Джек, не ходи в палачи!

Рыжий Джек! Твои Дженни и Кетти
Не пойдут за тобой нипочем.
Будешь маяться в целом свете,
Если будешь, Джек, палачом.

Будь моряк, и покинешь сушу,
И отыщешь свой свет в ночи.
А кто спасет твою рыжую душу,
Если, Джек, ты пойдешь в палачи?

Рыжий Джек! Самый рыжий в мире!
Вот и новые времена.
Ты устал, да и лошадь в мыле.
Брось уздечку и стремяна.

Стань бродяга, последний бражник,
Все пропей — с головы до ног.
Но не будь ни тюремщик, ни стражник —
Это все палачи, сынок.

Жонглеры

Циркач! Разбейся в небе!
Гимнаст, лети во мгле.
Что об актерском хлебе
Там знают, на Земле?

Нам облако постелют —
Как будто пух-перо.
А на Земле поделят
Нехитрое добро.

Румяна и белила,
И куртка поновей.
Фортуна обделила
Бродяжьих сыновей.

И дочерей прекрасных,
Что пляшут так легко
В сиреневых и красных,
В серебряных трико!

Несытая фортуна,
Нехлебные дела.
Видать, сама фортуна
Артисткою была.

Иначе бы откуда
Бенгальские огни,
Которыми фортуна
Горит в иные дни?

Семь песен Жанны д'Арк

1

Светлое распятие
Над черными дверьми.
И лечу опять я
В Домреми...
Светлая стружка
Кружится легко.
Большая кружка.
Парное молоко.
Я сижу на траве,
В кулаке — крошки,
Одуванчик — к голове,
Лопушок — в ножки...

2

Я спасти отчизну должна.
Девочка, не мать, не жена.
«Жанна, — зовут, — Жанна!»
Мне бы припасть к ручью
В милом моем краю,
Пить жадно!
«Жанна, — зовут, — Жанна!»
Я воин, вооружена.
Окружена, побеждена.
Позору предана и сожжена.

Но вновь и снова
Зовут из мрака.
Иду без слова,
Иду без страха.

Господин судья! Господа!
 Для чего меня привели сюда?
 Для суда?
 В чем мой смертный грех?
 Верный мой доспех
 Сохранял меня от напастей всех
 И утех.
 Мой мужской наряд —
 Он любой снаряд
 На крепость проверял,
 Слову не доверял.
 В чем моя вина?
 Что моя страна
 Без меня — одна?
 А со мною — несчастна она...

А ты, государь мой, два белых крыла?
 Надежда и вера моя, и покой.
 Ты видишь, я сделала все, что могла,
 И я ожидаю встречи с тобой.

А ты, государь мой? Терновый венец
 Теперь на твоих и моих волосах.
 Мне не был опасен враждебный свинец,
 А был мне опасен мой собственный страх.

А ты, государь мой? Ты руки протер.
 Твоя надо мною большая ладонь.
 Пускай под ногами разложат костер —
 Все жарче и жарче сердечный огонь.

А ты, государь мой? На этом пиру
Совсем позабыл о белом пере?
Зачем не сказал мне про то, что умру?
Умру на миру, сгорю на костре.

5

Мой нерожденный сын!
Как ты теперь один?
Моя нерожденная дочь!
Кто тебе сможет помочь?
Мой ненайденный муж!
Ты достался кому ж?
Мой незажженный очаг!
Кого ты греешь сейчас?
Мой непостроенный дом!
Чьим ты построен трудом?
Мною невращенный сад!
Чей ты радуешь взгляд?
Но хочу я или не хочу —
Я не знаю судьбы иной.
— Все, кто любит меня, за мной! — кричу, —
Все, кто любит меня, за мной!..

6

О Руан, Руан!
Я еще жива.
Собери мой пепел в горсти.
Все, в чем я права, в чем я не права, —
Отпусти как грех и прости.

Бьют колокола,
А я не плакала.
Зубы сжала.
Жанна, Жанна!

О огонь, огонь!
Мой последний друг!
Пеленой закрой мне лицо!
Этот гул вокруг,
Этот вопль вокруг —
Мне не разорвать их кольцо.
Бьют колокола,
А я не плакала.
Зубы сжала.
Жанна, Жанна!
Все сильнее глаза
Застилает дым.
Трудно умирать
Только молодым,
Трудно умереть
Только одному.
Дайте крест скорей,
Я иду к нему!
Бьют колокола.
А я не плакала.
Зубы сжала.

7

Родина, родина, как я горела!
Родина, родина, как ты смотрела...
Родина, родина, как я кричала!
Родина, родина, как ты молчала...

Повелевая стройною ратью,
Вспомни мое недостойное платье!
И, забывая черную крышку,
Вспомни мою непокорную стрижку.

Как ты смотрела,
Щурясь и морщась.
Как я горела,
Мучась и корчась.

Черный мой дым,
Светлый мой дух
Вспомнит еще
Гальский петух.

* * *

Если ты в стране далекой утомишься и уснешь —
Птица белая с рассветом постучится в грудь мою.

Отложу веретено, погляжу в свое окно.
Но тебя, мой друг сердечный, не увижу, все равно.

Если ты в краю пустынном темной кровью истечешь —
Птица алая с закатом постучится в грудь мою.

Отложу веретено. Погляжу в свое окно.
Но тебя, мой друг прекрасный, не увижу, все равно.

Если ты в дали туманной позабудешь обо мне —
Птица черная к полночи постучится в грудь мою.

Отложу веретено — погляжу в свое окно.
Но тебя, мой друг бесценный, не увижу, все равно.

А услышу, как под утро смолкнет пенье соловья, —
И душе твоей вдогонку улетит душа моя.

Упадет веретено, хлопнет на ветру окно.
Я с тобой и после смерти не расстанусь все равно.

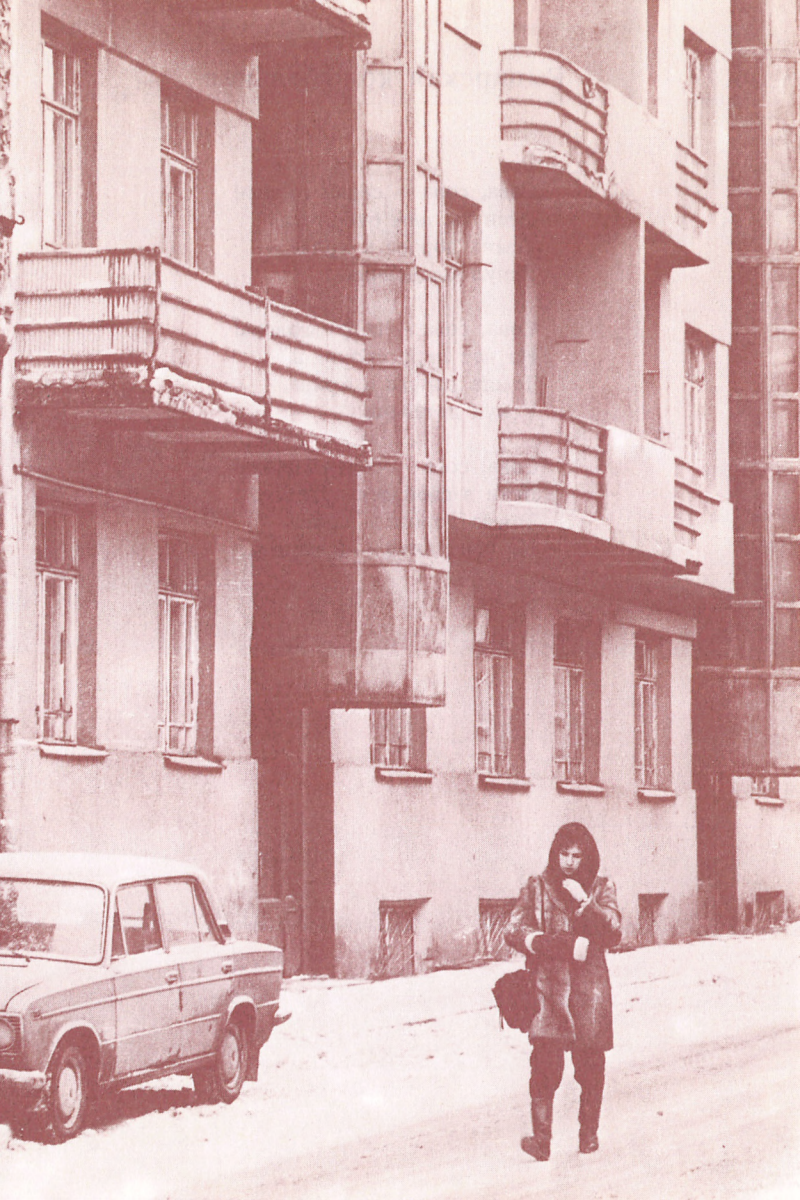
* * *

Пожалей, стрела, оленя.
Пожалей стрелу, охотник.
Пожалей стрелка, дубрава.
Пожалей, любовь, меня.

Не бери стрелка, истома.
Не пыли его, дорога.
Не студи его, водица.
Не пытай, любовь, меня.

Пощади, огонь, поленья.
Пожалей стрелу, охотник.
Не кали ее, не надо.
На оленя не готовь!

Пожалей, стрела, оленя.
Пожалей стрелу, охотник.
Пожалей стрелка, дубрава.
Пожалей меня, любовь.

Рыцарская колыбельная

Сова, сова — седая голова!
Неси ты нам бубенчик.
Темна дорога и крива —
Уснул младенчик.

Сова, сова — седая голова!
На нас перо уронишь.
Темна дорога и крива.
Уснул детеныш.

Сова, сова — седая голова!
Лети в свой лес обратно.
Темна дорога и крива,
Но спит дитя — и ладно...

Шутейная песня о куме

Одна веселая кума сводила муженька с ума,
Предпочитая муженьку любого мужика.

Одна веселая кума сводила мужиков с ума,
И обожала мужику еще сказать «ку-ку!».

Одна веселая кума почти что всех свела с ума,
Когда пришла в селенье то — чума, чума, чума...

Кума, в обнимку с мужиком, грозит проклятой кулачком:
Мол, обходи, чума, мой дом — кругом, кругом, кругом!

...Так вот: веселая кума, хоть невеликого ума,
Хоть ставить некуда клейма — сильнее чем чума!

Судьба и кавалер

Судьбу пытается кавалер,
В глаза глядит судьбе.
Он после долгого пути,
Ему не по себе.

Позволь стоять невдалеке,
Позволь тебе служить!
Чего ты кружишь надо мной?
Довольно уж кружить.

Судьбу пытается кавалер,
Вздыхая тяжело.
Позволь и мне, хотя б разок,
Встать под твое крыло.

Вот видишь старые рубцы —
Их все не сосчитать.
Не подставляй же грудь мою
Под острие опять.

Судьбу пытается кавалер...
А ночь кругом тиха.
Судьба молчит. Она всегда
Была к нему глуха.

Давно ушла его любовь.
И он свой прожил век.
Судьба молчит, но вновь и вновь
Толкует человек.

* * *

— Как Ваша Светлость поживает,
как Ваша Светлость поживает?
О чем она переживает,
достаточно ли ей светло?

— Ах, худо, друг мой, очень худо.
Мы все надеялись на чудо...
А чуда что-то нет покуда.
А чуда не произошло.

— Что Вашу Светлость удручает,
что Вашу Светлость огорчает.
Что Вашу Светлость омрачает?
Вас любит люд и чтит ваш двор...

— У черни — что же за любви?
Все время вилы наготове.
А двор, прости меня на слове,
что ни сеньор — дурак и вор.

— У вас, мой герцог, ностальгия.
Но вас утешит герцогиня.
Она ведь верная подруга?
Ваш брак, я слышал, удался.

— Мой друг, мы с вами с детства близки.
Скажу вам, женщины — так низки!
Супруга мне уж не подруга,
и с ней живет округа вся.

Не нанося стране урона,
я отрекаюсь, друг, от трона.
Кому нужна моя корона,
а жизнь моя, скажи, кому?

Какой тебе я к черту «светлость»?
Долой и чопорность, и светскость...
Пойдем-ка лопать макароны
в ту симпатичную корчму.

— Как Ваша Светлость поживает,
как Ваша Светлость поживает?..

Лесничиха

А природа на них смотрела
сквозь утренние лучи...
— Вот твой лук, вот твои стрелы —
теперь куда хочешь мчи.
Знаю, в городе есть невеста.
Руки ее нежны...
Но я сегодня невесты вместо,
а завтра вместо жены.

Муж из лесу вернется хмурый,
добычлив и бородат.
Я бы стены украсила шкурой —
да он ведь ее продаст.
А если станет опять браниться —
если опять за свое:
Уж он дождется, давно хранится
в кладовке ему питье.

Но ты жалеешь меня, мой милый.
Как вечер, стучишь в окно.
Что ж до невесты твоей постылой —
то это нам все равно.
И проснемся мы, чуть живые,
едва забрезжит рассвет.
И помчатся твои борзые
вновь за тобою вслед.
А случится такое лихо —
жениться тебе пора —
Знай, что ждет твоя лесничиха
и эту ночь до утра.

Догорает свечной огарок,
звезды — миг и умрут.
А на пальце моем подарок —
зелененький изумруд.

А природа на них смотрела
сквозь утренние лучи.
— Вот твой лук, вот твои стрелы —
теперь куда хочешь мчи.

Разговор

— Ах, дочка,
О чем ты плачешь,
За что ты платишь?
Ах, дочка,
Я в твои годочки
Уже с твоим отцом
Стояла под венцом.

— Ах, мама,
Венчаться мало!
Ну, обвенчалась ты с отцом,
Совсем юнцом, чужим птенцом...

— Ах, дочка,
Я в твои годочки
Уже с твоим отцом
Рассталась, подлецом...

— Ах, мама,
Расстаться мало!
Один — подлец, другой — глупец,
Да и не о том я, наконец...

— Ах, дочка,
Я в твои годочки
Хоть не жила уже с отцом,
А все ж бела была лицом...

— Ах, мама,
Лица-то мало!

А что я не бела лицом —
Так я же балуюсь винцом,
Ведь ты же знала...

— Ах, дочка,
Я в твои годочки
Хоть и была почти вдовой —
Была румяной и живой,
А ты девица, не вдова,
А только теплишься едва!

— Ах, мама,
Уж осталось мало!
И не жена, и не вдова,
И ни жива, и ни мертва,
А то, что черное ношу,
О том не спрашивай, прошу!

— Ах, дочка,
О чем ты плачешь,
За что ты платишь?
Чем согрешила?
Куда спешила? —
Себя решила...

* * *

Дружок, когда поет рожок,
Как флейта,
На мачте плещется флажок,
Как лента,
Мы покидаем берега
И мчимся.
Как будто нам не дорога
Отчизна.

Ах, мы не матросы...

С собою пару пустыков
Сложили,
Как будто двадцать пять годков
Не жили...
Как будто не было беды
И боли,
И не хватало нам воды
И соли...

Ах, мы не матросы, но эти вопросы!..

Как будто в полосу вошли
Такую...
Мы всем болезням предпочли
Морскую.
И вот нам дышится ровней
И глубже,
А голоса родных, друзей —
Все глуше.

Ах, мы не матросы, но эти вопросы
Нас стиснули, как ледяные торосы.
Совсем обступили, и мы отступили.
Родным на беду — погибаем на льду.

* * *

Мне стихи достались мукой,
Потому что вся родня
До сих пор одной наукой
Занималась у меня!

То, что шло за мною тенью, —
Им моей казалось ленью.
То, что ринулось бедой, —
Им казалось ерундой.

Если жгло, ломало, гнало —
Им казалось: слишком мало
Для меня — капризной, вздорной,
С черным глазом, с челкой черной.

Огоньки вдали мигали —
А меня опять ругали
За невежество мое,
За житье и за бытие.

Мне стихи достались мукой,
Потому что вся родня
До сих пор одной наукой
Занималась у меня!

Все трудились — это верно.
Беззаветно, беспримерно,
Но — казались их труды
Им — добычею руды.

А мои штрихи и миги,
Не стихи да и не книги,
Не работа, не труды —
Не наделали б беды!..

Если падало, крушилось —
Им казалось — совершилось
Наказание мое
За дерзание мое!

Мне стихи достались мукой,
Потому что вся родня
До сих пор одной наукой
Занималась у меня!

«Возвращайся к нам, дитя! —
Как могли, они манили, —
Ты поймешь сто лет спустя,
Как родные правы были!

Если хочется — пиши!
Красной краской, белым мелом.
Но при этом от души
Просим: занимайся делом!»

... О, научная родня!
Жизнь меня еще научит.
И поймает, и намучит.
Не волнуйся за меня!

* * *

Детство мое — история Древнего мира.
Тает во мне, как свеча, та сретенская квартира.

Средневековая юность моя — Песчаные, Сокол...
Тускло поблескивает между сентябрьских стекол.

И — Возрожденье, рожденье! И тоже уже полустерто.
Ласточкино гнездо в районе Аэропорта.

Поэт

Поэт — у древа времени отросток.
Несчастный, но заносчивый подросток.
Обиженный, но гордый старичок.
Коры кусок и ветка, и сучок.

Поэт — у древа времени садовник.
Босой как нищий, важный как сановник,
Носящий на груди свою беду,
Просящий: «Подожди!» свою звезду...

Поэт — у древа времени воитель.
Чужой и тощей почвы освоитель.
Поэту поклонялись племена,
Поэту покорялись времена.

Стоит к стволу спиною, отчужденный.
Уже приговоренный, осужденный.
Сейчас его повесят на суку.
Вот так оно и было на веку!

Премудрое дитя, худой подросток!
Усохшего ствола тугой отросток.
Судьба твоя кромешна, краток путь.
И все-таки, поэт, у древа будь!

Поэт — у древа времени отросток.
Несчастный, но заносчивый подросток.
Обиженный, но гордый старичок.
Кора. Листва. Садовник... Дурачок!

* * *

Олюма, Музёма, Католя!
Волшебные эти слова
Придумал мой младший, которому
Только что минуло два.

Никто в целом мире не знает,
Откуда явились сперва,
Но в доме у нас проживают
Три маленькие божества.

Ни дыма, ни грома, ни шума...
Рука поспекает едва.
Католя, Музёма, Олюма
Мне на ухо шепчут слова.

И, если в бессонную полночь
Я строчки ищу как огня,—
Олюма приходит на помощь,
Католя спасает меня.

Я выйду наутро из дому —
К порогу, как будто бы ждет,
Невинно подходит Музёма
И за руку тихо берет...

Олюма, Католя, Музёма —
Со мною, когда я одна.
Спасибо ребенку меньшому,
Открывшему их имена.

* * *

Я вчера была свободна,
А сегодня занята.
Но свобода — неудобна,
А удобна суета.

Суета сует? Ну что же,
Это на меня похоже...
Я мечусь, я на пределе,
Злюсь, молюсь — и я при деле.

Завтра буду посвободней,
Сяду в кресло поудобней...
Жизнь моя! Ты мне угодна
Тем, что так ты неудобна.

Все мои искры

---

* * *

Я веду свой образ дней
Наподобие актеров!
Но чем дальше — тем ясней:
Наподобие шахтеров.

Начиная день с нуля,
Опускаюсь на глубины,
Высоко плывет Земля,
Шум и шорох голубиный.

Слюдяной минуя наст,
Через прах и уголь костный
Выхожу на новый пласт,
Вот он, мой алмазоносный!

И пока алмаз в цене,
И дороже год от года —
Все противней будет мне
Вся порожня порода!

Я — подальше от греха,
В стороне от перебранки.
Но, конечно, есть цеха
И шлифовки и огранки!

И добыча прочих руд!
...Стол привычный, лист тетрадный.
Здравствуй, тяжкий, милый труд!
Свет рудничный, свет лампадный.

Ноктюрн на Садовой

Челентано в черной «Волге» приглашает — «Прокачу!»
Как ни странно, Адриано, но я с вами не хочу.
Наша жизнь — полночный ребус: повезет — не повезет?
Вот подъедет мой троллейбус — он меня и повезет.

Через дымку, через тайну, через пленку синема —
Как ни странно, Челентано, я от вас не без ума.
Я замерзла. Я устала. Я жалею ваш бензин.
Уезжайте, Челентано, уводите лимузин!

Так-то полночью морозной в трех минутах от семьи
Я на площади Колхозной, как на краешке Земли.
Вот вам улица — катите, Челентано и авто.
Я не то, что вы хотите, я — не то, не то, не то!..

Сюзанна, Сюзанна, мон амур!

Птица-муха

Птица-муха, птица-муха любит птицу-мотылька.
У ней сердце бьется глухо, да еще дрожит слегка.
Птица — божия коровка, разноцветные крыла,
Та вчера легко и ловко все что было — отняла.

Птица-муха, птица-муха любит птицу-мотылька!
У ней в сердце зло и сухо. Злость и сухость, и тоска.
Та, другая, кружит танец над жасминовым кустом.
У нее на крыльях глянец, у ней молодость притом...

Птица-муха, птица-муха молчалива и бледна.
И за что ей эта мука невозможная дана?
...О, не трогайте знакомых, бойтесь ближних укорять!
Песнь из жизни насекомых — им-то нечего терять.

Старая драма

Так уж лучше бы зеркало треснуло —
То настенное, в мутной пыли.
Из мирка, захудалого, пресного —
В номера интересной любви.

Поспеши, поспеши, легкокрылая!
Вот и лампы уже зажжены.
Легкокрылая бабочка милая —
Без любви, без судьбы, без вины..

Не любил он — и номер гостиничный
Пробирает нездешняя дрожь,
Не любил он! На площади рыночной
Отступился за ломаный грош.

Погоди, погоди, бесприданница!
Ты любила всего одного.
Тот, кто знает любовь без предательства, —
Тот не знает почти ничего.

Человек с человеком не сходится,
Хоть в одной колыбели лежат.
Не любил он — и сердце колотится.
Не любил он — и губы дрожат.

На пути ли в Москву ли из Нижнего,
По дороге ли на Кострому...
Легковерная. Нежная. Книжная!
Не достанешься ты никому.

Репродукция

Была луна, а вот безлунность.
Была любовь, а вот беда.
Зачем, куда умчалась юность?
Любовь — зачем? А жизнь — куда?

О чем молчишь, над чем хлопочешь,
Чего накликал, что предрек?
Чего ты ждешь, чего ты хочешь?
Когда любовь не уберег.

Что ж горевать над колыбелью,
Коль нету дитятка внутри?
Теперь смотри тут за метелью,
Да за лампадою смотри.

Смотри-смотри за черной тучей,
Как солнце станет исчезать.
Себя кори, себя и мучай.
А больше некому сказать.

Ах, горе, горе в черствых крошках,
Когда узду не удержал.
А ты же сам ее на дрожках
С одним гусаром провожал...

Весной тепло, зимою скучно,
И бубенца не услышать.
Темно свече, огниву душно,
И скоро будет полыхать.

Песочек красный, день напрасный.
Такой не принесет вестей.
Смотритель грустный, зритель праздный
Чужих дорог, чужих путей.

Денек хмельной, а вечер бражный.
Еще денек, и два, и три...
Ездок вальяжный, кучер важный.
А ты смотритель — ты смотри.

* * *

Не пускайте поэта в Париж!
Пошумит, почудит — не поедет.
«Он поедет туда, — говоришь, —
Он давно этим бредит».

Не пускайте поэта в Париж!
Там нельзя оставаться.
«Он поедет туда, — говоришь, —
Не впервой расставаться».

Не пускайте поэта в Париж!
Он поедет, простудится, сляжет.
Кто ему слово доброе скажет?
«Кто же тут говорил?» — говоришь.

А пройдут лихорадка и жар —
Загрустит еще пуще.
Где ты, старый московский бульвар?
Как там бронзовый Пушкин?..

Он такое, поэт, существо!
Он заблудится, как в лабиринте.
Не берите с собою его.
Не берите его, не берите!

Он пойдет, запахнувши пальто.
Как ребенок в лесу, оглядится.
«Ну и что? — говоришь, — Ну и что?
Он бы мог и в Москве заблудиться».

«Все равно, где ни жить, — говоришь, —
Кто поймет, — говоришь, — не осудит».
Не пускайте поэта в Париж!
Он там все позабудет!

«Все равно, где ни лечь, — говоришь, —
Под плитой да под гомоном птичьим...»
Не пустили б поэта в Париж —
Он лежал бы на Новодевичьем.

* * *

Теперь все чаще хочется друзьям
Сказать: благодарю вас, дорогие,
За то, что вы со мной, когда другие
Рассеяны давно и там и сям.

Меня благословлявшие вчера,
Сегодня не успели попрощаться,
Им незачем оттуда возвращаться,
А мне туда покуда — не пора.

Но вот однажды старенький альбом
Ленивою рукой достанем с полки.
Ах, зеркала печальные осколки
Дают изображение с трудом.

То памятное наше торжество —
Где ты теперь звучишь, мой голос слабый?
Была бы слава, я б делилась славой,
Но ничего здесь нету моего.

И станут возрождаться имена,
Как будто возвращенные из плена.
Сначала Валентин, потом Елена.
И лучшие настанут времена.

Мы, как живые, под руки пойдем,
И будет исходить от нас сиянье.
И целый мир нам будет — милый дом.
И сгинут рубежи и расстоянья.

Пока же мне не подан тайный знак,
Стихи я стану складывать и вещи.
Мне кажется, виденье было вещим —
Мы свидимся, не знаю, где и как.

Твержу себе — не надо больше петь.
Прошу тебя, молчи, моя аорта!
Не хочешь? Ну тогда какого черта!
И я ведь тоже не хочу терпеть.

Песня Серой Шейки

Какие тут шутки, когда улетает семья?
Последствия жутки — об этом наслышана я.
Судьба не копейка — мне попросту не повезло.
Я Серая Шейка, и мне перебили крыло.

Семья улетает. Прощайте, прощайте, семья!
Меня угнетает, что сестры сильнее, чем я.
Взлетай, неумейка! Мне это с небес донесло.
Я Серая Шейка, и мне перебили крыло.

Гляжу близоруко, гляжу безнадежно во мглу.
Но я однурука и, значит, лететь не могу.
Счастливо, счастливо, кричу я вдогонку семье.
Тоскливо, тоскливо одной оставаться к зиме.

Тоскливо и жутко готовиться к лютой зиме.
Последняя утка. Последняя утка на этой земле.
Судьба не копейка, — мне здешние птицы твердят.
Я — Серая Шейка. Пускай меня лисы съедят.

Эмиграция

Есть у времени иллюстрация —
Черно-белая, не обрамлена.
Эмиграция, эмиграция —
Я прощаюсь с тобой, сестра моя.

Ты сегодня звалась Мариною,
Завтра будешь Мариаграция.
Это — что-то неповторимое.
Эмиграция, эмиграция.

Я запомню их лица белые,
Этих лиц выражение.
И движения пальцев беглые,
И руки моей положение.

Эмиграция, эмиграция —
Провожающий, на примете вы!
Регистрация, регистрация,
Регистрация в Шереметьево.

Эмиграция, эмиграция —
И снимаются с места стаями.
О, осенняя птиц миграция. —
Поднялись и во тьме растаяли.

Ну, видать, пора собираться мне —
Если это само не кончится.
Эмиграция, эмиграция —
Мне лететь никуда не хочется.

До свиданья, Мариаграция.
Позабудь дорогу обратную.
Эмиграция, эмиграция —
Это что-то невероятное.

Там далеко родится девочка,
И когда расцветет акация,
Называть ее станут Эммочка.
Если полностью — Эмиграция.

* * *

Былое нельзя воротить, а грядущее катится.
Два бога над нами. Два бога: покой и комфорт.
И все-таки жаль, что нельзя Александра Аркадьича
Нечаянно встретить в метро «Аэропорт».

Поэт о своем не болеет, он все — об общественном.
Метелям — мести, а капелям — всегда моросить.
А все-таки жаль, что хотя бы о самом существенном
Его самолично нельзя наконец расспросить.

Мы выйдем на воздух. Пройдемся и сядем на лавочке,
И будет бежать и спешить Ленинградский проспект.
Возьмется за сердце и скажет спокойно и ласково:
«Какой же в истории вас беспокоит аспект?»

Вот майская веточка , белая, будто на выданье,
Давно позабыла уже о минувшей зиме.
«Простите мне, деточка! — скажет он, — все-то я выдумал!
Куда как прекрасно живется на нашей земле».

Мы с лавочки встанем. На этом беседа закончится.
Я тихо пойду, и покой воцарится в душе.
Мне больше спросить у него ничего не захочется.
А если захочется, я не успею уже...

Былое нельзя воротить, а грядущее катится...
Два бога над нами! Два бога: покой и комфорт.
А все-таки жаль, что нельзя Александра Аркадьича
Нечаянно встретить в метро «Аэропорт».

* * *

Памяти Д.Хармса

Как канули во тьму
все алеуты,
так канули в дыму
обэриуты.
Как будто бы жило
такое племя.
Но время их прошло,
ушло то время.

Фасон широких шляп
их выдал.
Весь мир таких растяп
не видел.
Их вывели во двор
поодиночке,
и не было с тех пор
от них ни строчки.

Где голы короли —
опасны дети.
Глядят на нас с Земли —
а мы в ответе.
Зачем глядишь, дитя,
так ясно?
Все, сорок лет спустя,
напрасно.

Покуда голый зад
людей дурачит —
ребенок невпопад
заплачет.

Покуда твердый лоб
людей морочит —
ребенок все поймет
и напророчит.

Беспечные чижи,
стрекозы!
Уж не страшнее лжи
угрозы.
Где певчие дрозды,
синицы?
Запали, как пруды,
глазницы.

Преданья островов тех,
Алеутских —
преданья островов
обэриутских.
Но жив же алеут
на свете —
и жив обэриут
в поэте.

Мой дом летает

Мне что-то стало трудно дышать.
Что-то со мною нужно решать.
То ли это — болезнь суеты?
То ли это — боязнь высоты...

О, друзья мои, дышащие легко!
Почему вы все время — так далеко?
Если мог чей-то дом над Землей парить —
Почему моему это не повторить?

Никто не знает, что мой дом летает.
В нем — оружие дети и плачущий пес.
Никто не знает, что мой дом летает.
О, только бы ветер далеко не унес!

Значительно легче стало дышать.
Вот и все, что нужно было решать.
А все-таки чем-то таким грешу,
Что не поддается карандашу.

О, друзья мои, дышащие легко!
Почему вы опять от меня далеко?
Даже здесь, в этой области неземной —
Вы опять не рядом со мной.

Никто не знает...

Вот так я пела, а ты кивал.
А ветер нас относил в океан.
Но, как бы ты ни был самолюбив, —
Я не из породы самоубийц.

О, друзья мои, дышащие легко.
Вы опять — далеко.
Даже если отважусь я на прыжок —
Кто постелит внизу лужок?

Никто не знает, что мой дом летает.
В нем — орущие дети и плачущий пес.
Никто не знает, что мой дом летает.
О только бы ветер

ветер

ветер

ветер...

* * *

Не боюсь ни беды, ни покоя,
Ни тоскливого зимнего дня.
Но меня посетило такое,
Что всерьез испугало меня.

Я проснулась от этого крика,
Но покойно дышала семья.
«Вероника, — кричат, — Вероника!
Я последняя песня твоя».

«Что ты хочешь? — я тихо сказала. —
Видишь, муж мой уснул, и дитя.
Я сама на работе устала.
Кто ты есть? Говори не шутя».

Но — ни блика, ни светлого лика,
И вокруг — темноты полынья.
«Вероника, — зовут, — Вероника!
Я последняя песня твоя».

Что ж ты кружишь ночною совою?
Разве ты надо мною судья?
Я осталась самую собою,
Слышишь, глупая песня моя!

Я немного сутулюсь от груза,
Но о жизни иной не скорблю.
О, моя одичавшая муза!
Я любила тебя и люблю.

Но ничто не возникло из мрака.
И за светом пошла я к окну.
А во тьме заворчала собака —
Я мешала собачьему сну.

И в меня совершенство проникло,
И погладило тихо плечо —
«Вероника, — шепча, — Вероника!
Я побуду с тобою еще...»

* * *

Все менее друзей, все больше экстрасенсов,
Которые сулят, что все пойдём ко дну.
Один меня продаст за горстку мелких пенсов,
Другой меня отдаст за песенку одну.

Тошнотен вой кликуш. Дремотен вид придурков,
Которые пищат, что все пойдёт ко дну.
Один меня продаст за пригоршню окурков,
Другой меня отдаст за песенку одну.

На небе голубом темно от черных галок,
Которые орут: «Ко дну, ко дну, ко дну!»
Один меня продаст — он нервен, горд и жалок.
Другой — пускай отдаст за песенку одну.

* * *

Много-много чего я люблю
В разноцветной жизни московской.
Я люблю продавцов винно-водочных
И болельщика в Лужниках,
Но особенно я люблю
Иностранцев на Маяковской —
Когда их вспышки посверкивают
В наших копиях и рудниках.

Я люблю их на эскалаторе,
Когда они, на детей похожие,
Головами крутят бессовестно
И бесстыдно, как птицы, галдят.
А мы для них — ископаемые,
Угрюмые, серокожие,
И они меж собой щебечут,
И на нас почти не глядят.

Но когда они все замрут
Под одним медальоном мозаичным,
И, как Рональд и Нэнси Рейган,
Стоят — и рука в руке...
Тут-то я, пробегая мимо
Этим шагом московским, заячьим,
Просто плакать готова от нежности:
Я сама их люблю до ужаса,
Эти сказочки на потолке.

Послание року

Бедные мои ровесники — Боря, Андрюша!
От славословия живые едва...
Сколько на вас повесили — я ли на вас обрушу
Попреки дурацкие, злые слова?

Говорят, вы голос нашего поколения,
Бледные и значительные, как мировая суть.
Глаз у вас распаление, гланд у вас воспаление,
Поберегите себя хоть чуть...

Милые вы мои, где-то что-то читавшие,
Что успевало принять естество.
В Штаты уже слетавшие, чуточку там уставшие —
Ну, отдохнете еще, ничего!

Чудные мои ровесники! Я тут под ночником,
Пол подо мной качается, крыша уже едет...
Вижу, как вашим корявым подстрочником
Бредит потомок мой — давится, но бредит.

Бедные мои ровесники — Андрюша и Боря.
Юноши стихийные, невянущие цветы!
Ну, пускай, вы суша, ну пускай, вы море...
Только бы не зияние пустоты.

Слушатель мой бесценный

Ой, какой алкаш колоритный
Слушал тут вчера мои песни!
Ой, как он глазами ворочал,
Как он рот разевал...
Все-то для него было ново —
И моя девчачья походка,
И мой гардероб немудрящий,
И неэстрадный мой голосок.

Видимо, хотелось бедняге
Сбегать за Серегой, за Колькой!
Быть не одному в этой куче,
Не быть одному...
Но никак не мог оторваться.
Но — не мог никак отлепиться.
И с лицом дурацким, счастливым
Стоял и стоял.

Вот вам элитарные штучки!
Вот вам посиделки в каминной!
Вот вам песня «наша — не наша»,
Огни ВТО...
Ничего такого не нужно!
Человек открыт перед песней,
Человек доверчив и мягок...
Но играть на этом — ни-ни.

Из истории

Ни христианин, ни католик —
(Пошире держите карман!)
Он просто российский историк,
Историк Натан Эйдельман.

Он грудью к столу приникает,
Глядит на бумаги хитро,
Чернила к себе придвигает,
Гусиное точит перо.

Средь моря речей и риторик,
Средь родины нашей большой —
О, как же нам нужен историк,
Историк с российской душой.

Историк без лишних истерик...
С вельможи потянет парик...
Он не открывает америк,
Россия — его материк.

Не пишет стихов или песен,
Но грезит себе наяву.
Ему улыбается Пестель,
Апостол склоняет главу,

Из душных, задымленных залов,
Где лоб холодеет, как лед, —
Потомок идет Ганнибалов
И руку беспечно дает.

Историка ночи бессонны.
А впрочем, и в нашей сечи
Стоят восковые персоны,
И мчат дилетанты в ночи.

Иные плутают в тумане,
Тех сладкий окутал дурман
И ходит с пером между нами —
Историк Натан Эйдельман.

Московские новости

Говорила мне тетя, моя беспокойная тетя,
А глаза ее были уже далеки-далеки...
«Что посеяли — то, говорю тебе я, и пожнете.
Ну, пожнете, пожнете — все мелочи, все пустяки».

Ой, тетя, худо мне, тетя...

Говорила мне тетя, моя беспокойная тетя,
Поправляя нетвердой рукою фамильную седину:
«Что посеяли — то, говорю тебе я, и пожжете!
Я с других берегов на дымы эти ваши взгляну!»

Ой, тетя, худо мне, тетя, от этих новостей.

Говорила мне тетя, моя беспокойная тетя,
Убирая серебряный дедушкин портсигар:
«И земли не осталось, а всходов откуда-то ждете!
Не туман над Москвою, а сизый плывет перегар!»

Ой, тетя, худо мне, тетя, от этих новостей.
Ой, тетя, трудно мне, тетя, и страшно за детей.

* * *

Мы не дети Арбата.
Мы пришли на другие года.
Нас не пустят обратно.
Нас едва-то пустили сюда.

От детей Бирюлева до детей Тропарева
Голубая поземка метет.
Эти ноги здоровы.
Эти лица суровы.
Эти мысли никто не прочтет.

Меж Кузьминок недвижимых,
Средь Лосинок неближних —
Растерялся и плачет простак.
Не отыщет тропинку
На родную Неглинку.
Не отыщет, бедняжка, никак!

На Ходынке дерюжной,
На Ордынке воздушной —
Эта корка небитого льда.
Ни страстишки тщедушной,
Ни гордыньки ненужной —
Ни тоски, ни стыда — ни следа.

Завернемся потуже,
Запахнемся поглубже —
Ближе, тверже дыханье зимы.
От Чертановской створки —
До Бусиновской горки,
На Крылатские тянет холмы...

Виртути-Милитари

— Без ордена Виртути-Милитари
Ко мне не возвращайтесь, — говорю, —
Но, коль уснули вы в Афганистане,
Едва ли вы проснетесь к январю.

Развернут на закат пунцовый,
Продлите ваш почти невинный сон...
Ах, лоб свинцовый да об гроб свинцовый —
Вот это б вышел всенародный звон!

В Орле, Чите, Караганде, Тагиле —
В любом, на нас отпущенном раю,
Во мгле, в черте оседлости, в могиле —
Вы спите, я вам песенку спою...

Крепчай, мое негромкое глоссандо!
Взойдите в небо, сто усталых лун, —
Во славу легконогого десанта,
Уснувшего под переборы струн.

Художник, супермен и пролетарий!
Я, ваша мать, волнением горю.
Без ордена Виртути-Милитари
Домой не приходите, — говорю!

В чем были — как одели, как обули,
Спускаетесь по склону, по судьбе...
Привычные в Герате и в Кабуле,
Сейчас сойдете вы на Душанбе...

Недопесни

Александр Семенович Кушнер
Я знаю, меня осуждает,
За то, что я на одном выступленье
Сказала, всю грусть не тая, —
Де, мол, многим стихам на свете
Музыки не хватает!
И потому они — недопесни.
Недопесни — сказала я.

Александр Семенович Кушнер
С моими друзьями дружит.
Он надписывает им книги:
«Дорогому поэту эн».
А меня он не замечает.
А со мной он дружить не хочет!
Да, по-моему, он и не видит,
И не слышит меня совсем.

И стоит он на невском берегу —
Недоступный такой, прекрасный!
И посматривает сурово
Сверху вниз на мою Москву.
И не видит он в синем мраке,
Как через Клин, через Бологое,
Как по морю — по окияну
Я, барахтаюсь, но плыву!

Доплыву, обсушась, согреюсь.
Теплый пар от меня повалит.
Влажным облаком над заливом
Моя песенка полетит...
Александр Сергеевич Пушкин,
Может быть, меня и похвалит.
А Александр Семенович Кушнер,
Может быть, меня и простит.

Эта книга

Эта книга пропахла твоим табаком
И таким о тебе говорит языком:
«Не жалею ни о чем, дорогая!»
И не то, чтоб со мною был прежде знаком,
И не то, чтобы мною был прежде иском —
Так и жили, не предполагая...

Этой книги, которая ростом с вершок,
Я потрогаю тонкий еще корешок.
«Не жалею ни о чем, дорогая!» —
Прочитаю в твоём торопливом письме,
И — простейшие числа слагаю в уме...
Так и жили, не предполагая...

Я могла б написать: никого не виню...
Сообразно характеру, духу и дню!
Не виню, ибо верю в удачу.
Но — споткнусь о корявую эту строку
И щекою прильну к твоему табаку,
И не плачу, не плачу, не плачу...

* * *

Не отвертимся — хоть увернемся
От алмазных ее когтей...
А следы твоего гувернерства
На повадках моих детей.
Я окошко тебе открыла —
На вот, руку мою возьми.
Просыпайся скорее, милый!
Поиграй с моими детьми.

Почитаешь им Вальтер Скотта,
Полистаешь для них Дюма.
У тебя впереди суббота,
У меня впереди зима.
Но в тягучем густом романе
Все замешано на крови.
Расскажи ты им о Тристане,
Расскажи ты им о любви.

А ты дышишь тепло и сладко,
Руку выбросив чуть левей...
И мужская трепещет складка
Между детских твоих бровей.
Не бывает любви бескрылой —
Не случается меж людьми.
Просыпайся скорее, милый!
Поиграй с моими детьми.

Эхо

1

Я хотела бы, знаешь ли,
Подарить тебе шарф.
Было время, цепочку на шею дарила.
А шарф — нечто вроде зелья из тайных трав,
Зелья, которого я никогда не варила.

Длинный, легкий,
Каких-то несслыханных нежных тонов,
Мною купленный где-то в проулках бездонного ГУМа...
Не проникая в тебя, не колебля твоих никаких основ —
Он улегся бы у тебя на плечах, как пума...

Он обнимет тебя за шею,
Как я тебя не обнимала...
Он прильнет к твоему подбородку —
Тебе бы так это пошло!
А я — уже не сумею.
А раньше я не понимала,
Что никаких цепочек,
А только — тепло, тепло.

2

И еще — очень долго казалось,
Что нет никого меня меньше.
И все свои юные годы
Я жила, свою щуплость кляня.
Нет, правда, вот и моя мама,
И большинство прочих женщин —
Были гораздо больше, гораздо больше меня.

И теперь я, наверное, вздрогну,
Когда детское чье-то запястье
Обтянутое перчаткой в троллейбусе разгляжу.
Эта женщина — много тоньше.
Эта женщина много моложе.
И потом — она еще едет,
А я уже выхожу.

3

Будешь ей теперь пальчики все целовать.
Выцеловывать ушко, едва продвигаясь к виску.
Будешь курточку ей подавать,
Помогать зимовать...
И по белому снегу за нею,
И по черному, с блеском, песку.

А со мною все кончено — и хорошо, хорошо, хорошо.
И никто никого, я клянусь тебе, так и не бросил.
Дождь прошел, снег прошел, год прошел — да, прошел!
Ей теперь говори: «Твой пушкинский профиль,
твой пушкинский профиль...»

* * *

Обо всех оставивших меня сегодня плачу.
Обо всех печальных, но утешенных,
Шмыгающих, да, но превозмогших.
Нежно-золотистые, мятные, медовые, лимонные
Греют вас теперь.
Вспоминайте же меня украдкой!

Горькую, соленую — господи,
Опять все соль да перец,
Терпкую, с какою-то мучительной гримасой...
Пресные веселенькие речки
Все приходят к сумрачному морю —
Водоросли, раковины там, комки живые,
Запах иода...

Но кто-нибудь один, хоть изредка,
Немного подустав
От сахарной своей, ванильной, сливочной, помадной, —
Возьми да позвони мне, просто так.
Утешь меня, скажи, что я была.
Прощаясь, повтори мне нараспев
Мое неловкое, нелегкое, негибкое, негнущееся имя.

* * *

«Прощай, — говорю себе, — мемуаристика!»
Некого вспомнить, прошу извинить.
Все акробатика, все эквилибристика,
Если некому, некому позвонить.

Но некому: «Здравствуйте, Павел Григорьевич!
Тут у меня новых стихов пяток.
Нет, не на сборничек, и не на подборочку,
А лишь на заварочку да на кипяток».

Но некому: «Здрасьте, вот эта музыка!
Корней Иванович, как сыграть?
Пускай мне скажет хоть ваша Мурочка,
Не то я брошу свою тетрадь!»

Но некому: «Здрасьте, Михаил Аркадьевич!
Может быть, я забегу налегке?
Можно меня водою окатывать.
Можно меня трепать по щеке!»

Вот так бы строчить и строчить, учитывая,
Что услышать — не означает прочесть.
Все можно, все можно простить Учителю.
Если этот Учитель есть.

* * *

Стою одна, с закушенной губой.
С довольно перекошенной судьбой,
Одна — меж «Перекопом» и «Форумом».
Согреюсь человеческой рекой,
Согреюсь на Мещанской, на Тверской.
Утешусь не алмазом, так корундом.

Из молнии заплелся фитилек,
И занялся мой бедный флигелек —
Часовенка хотя б была пустая.
У молнии — невидимо путей.
Спасибо, что не тронула детей
Та молния кроваво-золотая.

Каких иносказаний наткала!
Поплакала и дальше побрела.
А он глядит с улыбкою бесстрастной.
Колотится об землю посошок.
Карабкается на руки стишок.
Доволен ли, что все вокруг пожег?
Ну что, генералиссимус прекрасный?
Что, прекрасный?

Трещина

И, пытаясь в себе заглушить
Нарастающий гул камнепада,
Говорю себе: «Надобно жить.
На краю этой трещины — надо»,
Эти злые, кривые края
Прорывают, ты видишь, бумагу.
Эта трещина, милый, моя,
И не двигайся, дальше ни шагу.

И по гладкому камню скребя,
И срываясь с него беспощадно,
Умоляю себя и тебя:
«Это трещина, трещина, ладно?
Без обиды тебе говорю,
Накопив непосильную кротость:
Отойди же, не стой на краю.
Эта трещина, может быть, пропасть».

Из твоей оскудевшей любви,
Из улыбки тяжелой, нервной
Вижу трещину в самой крови —
Незапекшейся, черной, венозной.
И, пытаясь в себе заглушить
Нарастающий гул камнепада,
Говорю себе: «Надобно жить!
На краю этой трещины — надо».

Волшебный сурок

Он играет, играет «Элизе»...
Без конца повторяет урок.
Но мерещится — ближе и ближе
Подступает волшебный «Сурок».

Прихотлива прекрасная дева,
Прихотлива и страшно строга.
С ней, пожалуй, не сделаешь дела—
Не получится с ней ни фига.

На чахоточный слабый румянец
Ты себя же, дурила, обрек...
Но стоит под окном оборванец,
И шарманка при нем, и зверек.

Эти фижмы, улыбки, оборки,
Эта мягкая влажность руки...
Девы мелочны и дальнорки —
Но светлы и пушисты сурки!

Он играет, играет «Элизе»...
Он повел бы ее под венец!
Сердце будет дробиться, делиться,
А потом разобьется вконец.

Но играет — молчите, молчите!
И шарманка ему не пророк.
Он не бабе играет — мальчишке,
У которого — верный сурок.

Две колыбельные

1. Очень американская

Бай, Нэнси, бай, Нэнси,
Бай, Нэнси, бай...
Спит Техас и спит Теннесси,
Бай, Нэнси, бай...

Бай, Нэнси, спи, Нэнси,
Бай, Нэнси, спи.
Это Москва поет тебе песни,
Странные песни свои.

Непереводима, неповторима,
Веруй во все подряд.
Но тени Масла и Маргарина
Над площадями парят!

Господь, сохрани, упаси, Джон Браун
Среди азиатских смут.
И ни Сталин, ни Розенбаум
Нас с тобой не возьмут.

Бай, Нэнси, бай, Нэнси,
Спи, Нэнси, бай...
Спит Техас и спит Теннесси,
Бай, Нэнси, бай...

2. Очень наша

Спи, спи, не болей,
Спи, моя задачка.
Мне приснятся сто рублей,
А тебе — собачка.

Спи, спи, мой родной.
И тепло, и сладко.
Мне приснится четвертной,
А тебе — лошадка.

Спи, спи на кулачке.
Крепче спи, мой зяблик.
Мне — червончик в кошельке,
А тебе — кораблик.

Спи, спи, дуралей.
Спи, мой хороший.
Мне приснятся пять рублей,
А тебе — грошик.

Дочке

Мой толстокожий персик,
Ты бацаешь так рьяно!
А мамочкины песни
Не любит фортепьяно.

Дверных печальных петель
Скрипенье так знакомо.
От мамочкиных песен
Сквозняк идет по дому...

Сквозняк идет по спинам
От этой самой песни...
Он пенится как пиво,
Пузырится как пепси.

Сквозняк бежит меж клавиш,
Как горькая настойка.
И ты его узнаешь —
Но только не настолько.

Мой толстокожий персик...
Прозрачнее кристалла,
Тебе расскажут песни
О том, как я устала.

А ты подаришь перстень
Прекрасному кентавру.
Тебе оставлю песни,
А мальчикам — гитару.

* * *

Дожила до постыдной сивости
С идиотской мечтой о красивости,
И при виде блондинки на длинных ногах
Всею печенью чувствую — ах!

Из меня не получится лапочка.
Не сгорай, моя свечечка, лампочка...
Где обнимутся двое — там третий молчи,
Тех двоих — не учи.

Никакого такого опыта,
Кроме разве ночного шепота.
Я подкрашусь снаружи,
Настроюсь внутри.
И никто мне не даст
Тридцать три.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	4
----------------------------	---

ПУСТЬ БУДУ ПТИЦЕЙ

«Я всегда подгоняю поезд...»	11
«Что ты хочешь, любовь, от меня...»	12
Сретенка	13
Автопортрет	14
«От пепла до меда, от меда до пепла...»	15
Сестре	16
«В нашей жизни стало пусто...»	17
«Помилуй, боже, стариков...»	19
Няня	20
Канарейка	21
Дом в Клину	22
Барышня Наташа	24
Пастораль	26
Игра в солдатики	28
Читая Цветаеву	
1. «Как магический кристалл...»	29
2. «От твоего дома — до моего сада...»	30
На даче	31
«Я сама себе открыла...»	33
Беглец	35
Цыганочка Аза	37
Размышление по поводу отпуска на юге	39
Слово об опятах	42
«В стиле ретро, в стиле диско...»	43
«О женщина, летающая трудно...»	45
Легенда о сфинксе	46
Летняя колыбельная	47

«А тонкая материя — твоя-моя душа...»	48
«То призрачное, то прозрачное...»	49
Август	50
Автограф	51
«Мне сын рассказывает сон...»	52
Стихи о маленькой любви	53
«На мосту, где мы встречались...»	54
«Пропади ты пропадом...»	55

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЮНОСТЬ МОЯ

Баллада о Дадале и Дудоле	59
Свидание с Таллинном	61
«Не помню, в каком году...»	63
Тиль	65
Воздухоплаватель	67
«Пустеет дом, пустеет сад...»	69
«Подыми забрало...»	70
Ирландская песня	71
Жонглеры	72
Семь песен Жанны д'Арк	
1. «Светлое распятие...»	74
2. «Я спасти отчизну должна...»	74
3. «Господин судья! Господа...»	75
4. «А ты, государь мой, два белых крыла...»	75
5. «Мой нерожденный сын...»	76
6. «О Руан, Руан...»	76
7. «Родина, родина, как я горела...»	77
«Если ты в стране далекой утомишься и уснешь...»	79
«Пожалей, стрела, оленя...»	80
Рыцарская колыбельная	82
Шутейная песня о куме	83
Судьба и кавалер	84
«Как Ваше Светлость поживает...»	85
Лесничиха	87

Разговор	89
«Дружок, когда поет рожок...»	91
«Мне стихи достались мукой...»	93
«Детство мое — история Древнего мира...»	95
Поэт.	96
«Олюма, Музёма, Католя...»	98
«Я вчера была свободна...»	99

ВСЕ МОИ ИСКРЫ

«Я веду свой образ дней...»	103
Ноктюрн на Садовой	104
Птица-муха	105
Старая драма	106
Репродукция	107
«Не пускайте поэта в Париж...»	109
«Теперь все чаще хочется друзьям...»	111
Песня Серой Шейки	113
Эмиграция	114
«Былое нельзя воротить, а грядущее катится...»	116
«Как канули во тьму...»	117
Мой дом летает	119
«Не боюсь ни беды, ни покоя...»	121
«Все менее друзей, все больше экстрасенсов...»	123
«Много-много чего я люблю...»	124
Послание року	125
Слушатель мой бесценный	126
Из истории	127
Московские новости	129
«Мы не дети Арбата...»	130
Виртути-Милитари	132
Недопесни	133
Эта книга	135
«Не отвертимся — хоть увернемся...»	136

Эхо

1. «Я хотела бы, знаешь ли...»	137
2. «И еще — очень долго казалось...»	137
3. «Будешь ей теперь пальчики все целовать...»	138
«Обо всех оставивших меня сегодня плачу...»	139
«Прощай, — говорю себе, — мемуаристика...»	140
«Стою одна, с закушенной губой...»	141
Трещина	142
Волшебный сурок	143
Две колыбельные	
1. Очень американская	144
2. Очень наша	144
Дочке	146
«Дожила до постыдной сивости...»	147

Долина В.

**Д64 Воздухоплаватель: Стихи. М.: Кн. палата,
1989. — 147 с.
ISBN 5-7000-0191-8**

Вероника Долина хорошо известна и слушателям, и читателям. Своеобразие и притягательность ее творчества — в органичном и плодотворном сплетении поэзии и музыки. Книгу составили стихи разных лет, отражающие и этапы духовного роста лирической героини, и сложности и противоречия современности.

**Д 4702010202 — 000
(008) 01 — 89** Без объявл.

ББК 84Р7

Вероника Аркадьевна Долина

ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЬ

Редактор *Д.Р. Кондахсазова*
Худож. редактор *В.Я. Черниевский*
Техн. редактор *Л.В. Коротеева*
Корректор *М.А. Кронгауз*

ИБ № 94

Сдано в набор 8.02.89. Подписано к печати А01548. 22.03.89. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная 100 г. Гарнитура таймс. Офсетная печать. Уч. изд. л. 4,42. Усл. печ. л. 6,16. Усл. кр.-отт. 12,47. Тираж 50 000 экз. Изд. № 230. Заказ 442. Цена 3 р.

Издательство «Книжная палата», 103009, Москва, ул. Неждановой, 8/10. Редакционно-производственный кооператив «Копирайт» 103009, Большой Гнудниковский пер., 10. Издание подготовлено к печати на фотонаборном оборудовании в СПТУ - 166. 109382, Москва, ул. Совхозная, 2.

Можайский полиграфкомбинат В/О «Совэкспорткнига» Государственного комитета СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 143200, Можайск, ул. Мира, 93.

3 руб.